

ВАДИМ МОЛОДЫХ

Разность заразы

ПОВЕСТЬ-ПАМФЛЕТ

Вадим Молодых

Разность заразы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191772

ISBN 9785447448585

Аннотация

Вместо ожидаемых «зелёных человечков» из космоса на Землю вселяется некая плесень, заставляющая людей быть невольно искренними. Никакая здешняя отравка космическую заразу не берёт, и земное мироустройство рушится. Русский химик Борис вынужден бежать от преследования обезумевших властей к своему коллеге Роберту, который уже даже общаться с плесенью научился.

Содержание

Глава I	5
Глава II	23
Глава III	28
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Разность заразы

Повесть-памфлет

Вадим Молодых

Под её руководством внутренний мир – отделение – почти всегда находится в полном соответствии. Но беда в том, что она не может быть в отделении постоянно. Часть её жизни проходит во внешнем мире. Так что она не прочь и внешний мир привести в соответствие.

Кен Кизи

«Полёт над гнездом кукушки»

© Вадим Молодых, 2016

© Алексей Железняк (GROMUS), иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I

Пренеприятное известие

Чрезвычайность заседания правительства подчёркивалась его утренним часом воскресного дня, когда даже сверхзанятые вельможи имеют право не думать о работе. Недовольство к общему безопасному удовлетворению сменилось растерянностью на лицах экстренно вызванных министров, поднятых с постелей жён и любовниц, отозванных с дач, охот, рыбалок и даже курортов специально посланными самолётами – срочность не предполагала церемоний, а потому секретное наблюдение тайной полиции пришлось косвенно обнаруживать открытием её осведомлённости о внеслужебной жизни каждого. Впрочем, подтверждение слежки беспокоило меньше всего – она и без этого была ясна... А вот повестка дня, объявленная каждому только по прибытии на место – ни в коем случае не по телефону, упаси боже! – была поистине сенсационной:

– Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие... – начал президент, обведя всех свежим (в отличие от многих) и строгим (по должности) взглядом. – К нам летят инопланетяне!..

И снова панорамный обзор всех присутствующих, словно бы в мониторинге, кто из них наиболее психологически

устойчив. Скрыть эмоции не удалось никому. Оно и понятно – сенсация! Не года сенсация, не века и даже не тысячелетия... Сенсация всей жизни! Всей истории человечества... Всего бытия... Вселенская сенсация!!!

Лица министров мыслей каких-то не выражали: открытые рты и немигающие глаза – это сразу вначале, и переглядывание с показательным поднятием бровей и сжатием губ в немом восклицании «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» – это через пару мгновений потом. И только после мимических реакций пришли мысли – у кого какие, но в основном примерно одинаковые: «Что ж теперь будет-то?!» Наконец самые проницательные уловили до конца суть президентского сообщения в его характеристике как «пренеприятного». Стали выражать лицами готовность к восприятию продолжения с тем, чтобы президент помог им в определении их собственной реакции. Президент дождался, когда эту готовность станут выражать все.

– Сам по себе прилёт инопланетян... Вернее будет сказать, инопланетного разума, ведь неизвестно ещё в какой форме он существует – совсем необязательно, что в человеческой... Так ведь, космическое агентство?.. Так вот... Именно по этому поводу не надо поднимать преждевременную тревогу, хотя готовность номер один уже нужно объявлять по войскам, МВД и далее по списку – в рабочем режиме... Да! МЧС! МЧС – как всегда, в первую очередь! У них всегда больше всего работы... Однако собрались мы вот ещё

почему... Да будет вам известно, что местом посадки... вернее сказать, приземления, по сведениям наших источников, выбрана территория Соединённых Штатов Америки.

Пауза. Взгляд-мониторинг. Испытующая строгость. Растерянность присутствующих. Отсутствие видимых реакций на лицах – это в первое мгновение, затем наиболее пронизательные начинают изображать возмущение. Глядя на них, нужной эмоцией проникаются и все остальные. Президент снова дождался единодушия на лицах и продолжил:

– То есть получается, что инопланетяне местом своей высадки выбрали... Почему-то?!.. не нашу Великую Державу, – президент так и сказал, как написал: с прописных заглавных букв, – а заокеанскую страну-выскачку, претендующую на роль мирового жандарма, пропитанную спесью страну без тысячелетней истории и культуры.

Сдерживая гнев в показательном усилии, шевеля желваками, президент опять оглядел подчинённых. Те поняли – надо что-то говорить... Хотя почему что-то? Ясно что! Реплика, которую можно назвать общей, не заставила себя ждать:

– Это они их как представителей Земной человеческой расы воспринимают, что ли? С ума сошли!..

– Осмелюсь заметить... Про сумасшествие применительно к инопланетянам может быть не совсем корректно...

Это был неуверенный голос представителя научной среды, тоже приглашённого – а как же! – вдруг что умное при-

советует.

– Что вы имеете в виду?

– Видите ли... – уже увереннее в интонации, по-прежнему, однако, переполненной сомнением. – Мы же не знаем природу их мышления. Может они руководствуются в своём поведении только тем, что мы называем рефлексами, а не, как мы, ещё и логическими выводами...

– Да это по фигу! – снова возглас, выражающий общее мнение собравшихся, в сердцах выпаленный недавно назначенным министром культуры, который до этого носил погоны тайной полиции (той самой, которая теперь за ним самим присматривает), а потому оставался переполненным патриотизмом. – «С ума сошли» – это вообще фигура речи... Но позвольте!.. Что же это они, по-вашему, на одних рефлексах хрен знает откуда к нам сюда прилетели?

– Почему бы и нет... Если история эволюции их расы гораздо продолжительнее нашей... У нас ведь тоже уже довольно ясно устанавливается рефлекторное восприятие жизни каждым отдельным гомо сапиенс, приученным подчиняться большинству.

Все наконец разглядели сидящего на задворках зала заседаний за отведённым под науку приставным столом некоего тщедушного профессора с академической бородкой – по виду чистого теоретика.

– А-а, это типа «Все побежали – и я побежал»? – уточнил министр культуры.

– Н-ну... да.

– Тогда по-вашему выходит, что они, пришельцы эти чёртовы, и к америкасам чисто рефлекторно подались?

– Да, – профессор невольно поморщился от лексики и тона министра культуры. – Глянув сверху на исходные данные, они – пришельцы – выбрали очевидного Земного лидера среди народов... Разделённых пока ещё на нашей планете всякими устоявшимися условностями...

– Ага... Америкосы, значит, лидеры?! Вы соображаете, что вы мелете?! Пятая колонна какая-то... – Быстрый взгляд на президента. – И это на заседании правительства! Где ваш патриотизм?!

– А причём тут патриотизм? Это факт... И пришельцы его подтверждают... Невольно, заметьте.

Минкульт вскочил:

– Вон отсюда! Во-о-он!!!

Его мор... лицо от гнева раскалилось докрасна. Встал и профессор – в противоречии министру культуры холодно бледный.

Со стороны главного места раздалось успокоительное:

– Ну-ну-ну...

Президент хоть и выбрал примирительный тон, но и в нём угадывалось одобрение пережитых минкультом эмоций:

– Садитесь, министр. Не надо горячиться... Садитесь и вы, профессор. Давайте продолжим спокойно.

Минкульт сел, остывая по команде, и понемногу теперь

пар выпускал, чтобы снова не взорваться:

– Астрономы, блин... Астрофизики...

Очевидно, накопление пара не уравнилось его расходом и требовало ещё одного выхода, а потому минкульт продолжил в голос, хоть и не криком, но слышно для всех:

– Нет, вы подумайте! Осмеливаться говорить такое!.. И где?! На заседании кабинета министров! А ещё при этом они постоянно плачут, что им денег на науку не хватает... Минфин, сколько на них в бюджете заложено?

Тот ответил. Последовало продолжение вопроса:

– А сколько это будет сегодня в долларах? – Минфин уточнил. – Во-от... Представляете!

– Хватит! – президент теперь вынужден был повисить голос и обвести всех своим фирменным взглядом. – Ладно... Хрен с ними... Это я про учёных... Интеллигенция, мать её! Ей всегда всё не так... Стоп, я сказал! Хрен с ними, повторяю... Это я опять про учёных, а не про инопланетян... Продолжим в рабочем режиме... Наш представитель на встрече с ними должен быть! – И утвердительный показательный хлопок ладонью по крышке стола. – Где министр иностранных дел? Не вижу... Заседание правительства, понима-ашь, поистине вселенского масштаба, а его нет! Кто за него? Референт? Где он?

Встал человек.

– Да не вы где!.. Министр ваш где, спрашиваю?

– Не успел прибыть на заседание по техническим причи-

нам...

– То есть?

– У самолёта один двигатель не завёлся...

– Почему?

Референт пожал плечами.

– А что за самолёт? Боинг? Вот она – хвалёная передовая нация...

– Нет, самолёт Ил.

– Ил? А откуда он лететь должен был?

– Из Евросоюза.

Тут снова подскочил так и не остывший до конца министр культуры:

– Это они ему поганого топлива закачали... Бестолочи! Мы, понимаешь, им высококачественную нефть поставляем, а они её в нормальный бензин перегнуть не могут... То же мне...

Президент, не в силах скрыть одобрительную улыбку, тем не менее, ладонью приказал успокоиться и сесть.

Тут распахнулась дверь, и в зал вбежал, как влетел на всех рабочих двигателях, запыхавшийся министр иностранных дел:

– Извините...

– Ага, вот и вы... Как долетели?

– С приключениями... Но... Нормально!

– Во-от... Наш подход к делу... Нас не прошибёшь! Интеллигенции бы этому поучиться... Где министр пропаган-

ды?..

Встал человек.

– ...Чтобы завтра же во всех СМИ прошла информация об этом инциденте с невозможностью из-за кризисного состояния всей их экономики... или всех их экономик – как правильно сказать?.. вылета нашего министра иностранных дел. – И проникновенно обращаясь теперь ко всем: – Вы только вдумайтесь, товарищи! Не кого-нибудь, не туристов каких-нибудь никчёмных, а самого министра иностранных дел огромного, великого государства!.. – Снова обращаясь лично к минпропу: – Повторяю: завтра же во всех СМИ.

Минпроп стоя отметил у себя в блокнотике. Кивнул головой. Сел.

– Итак... Министр иностранных дел, я хочу... Мы все хотим!.. чтобы на встрече инопланетян присутствовал наш представитель... Посол, я думаю... Это будет нормально? – Все согласно покивали. – Обязайте нашего посла в США попасть на эту встречу.

Дипломат привычно завилял, опасаясь огорошивать сразу:

– Вряд ли...

– Это почему?!

Коллективный вопрос-недоумение прозвучал хоть и вразнобой, но хорошо угадываемым отрепетированным хором, умело сыгравшим искреннее возмущение, хотя все именно такого ответа ждали, и все знали про себя самих и друг про

друга, что все такого ответа и ждут. Однако же:

– Как это так?!

Мининодел заговорил в повествовательном безэмоциональном ключе:

– Всем хорошо известен выбранный нашими западными партнёрами бесперспективный и неконструктивный курс на конфронтацию с Россией по любому поводу. Вот и теперь, получив информацию из неофициальных источников о некоем общечеловеческом мероприятии, которое должно вот-вот состояться и будет иметь значение для всех жителей планеты Земля, независимо от цвета кожи, национальности и вероисповедания, и которое волею обстоятельств будет происходить на территории США, мы попытались аккредитовать на это мероприятие нашего официального представителя. Однако получили отказ.

И снова нужная реакция зала, в которой присутствующие соперничали в температуре возмущения:

– На каком основании?!

Мининодел ответил коротко, как никогда в своей практике:

– Дикари вы, говорят... Мы, то есть... Опасные дикари! С непредсказуемым поведением. Мало ли что вам... в смысле, нам... в голову взбрѣдет. От греха подальше, говорят...

– Кто? Кто говорит-то?! – опять разноголосый, но единый возмущѣнный хор.

– А все. Все, кто что-то решает на международной арене...

Все вам известные персонажи, продвигающие новый старый тренд, отодвигающий... вернее, имеющий целью задвинуть Россию на задворки исторических процессов.

Президент посуровел:

– Доложите в подробностях.

Министр иностранных дел удивлённо посмотрел на шефа и показательно обвёл глазами зал – мол, при всех?

– Да, – утвердил президент наглядный урок патриотического воспитания. – При всех!

Те, кто ждал, что мишинодел покажет сейчас мимикой согласие «Хозяин – барин», не дождались от него этого – тот, продолжая оставаться бесстрастным, только заговорил по-человечески:

– Репортёры что-то разнюхали – вы же знаете тамошних репортёров, от них ничего скрыть невозможно, они неуправляемые! – так вот, они что-то такое из своих источников в правительстве узнали, ну и выдали эту информацию в СМИ... В виде версий различных, конечно! Но это так, для прикрытия, типа рассуждений. Имитация... Основная версия была самой сенсационной – бомба! – инопланетяне! И вроде привыкли уже люди к эдаким «сенсациям», но тут словно с цепи сорвались!.. А может рассекреченные документы плюс грамотная подача материала... Короче, народ взбеленился: шествия, демонстрации, митинги в общей тональности «Не дадим общечеловеческое событие засекретить! Это дело всех, а не только правительства, решающего

свои частные задачи!» – как будто там такое можно скрыть! Представителю Белого дома пришлось выступать с официальным заявлением... Он ничего конкретного не говорил, успокоить только пытался, мол, никто не останется обойдённым, дескать, все примут участие и свою маленькую часть сенсационного события получат.

Министр замолчал, нарочито медленно налил себе минеральной воды и поднес стакан ко рту. Пока он пил, нетерпение присутствующих заседателей достигло, вероятно, такого же пика, как и у граждан заокеанской страны, требовавших справедливости в получении информации.

– Ну... Дальше, дальше! Продолжайте!!!

Докладчик удовлетворился всеобщим интересом и продолжил:

– Вы же знаете Америку... Это ж сброд! Кого и каких там только нет – разве что инопланетян не хватает... Да и то – теперь не факт!.. Так вот... Было объявлено, что по причине международного характера события у Госдепа состоится оглашение программы предстоящей встречи. Там же, дескать, озвучат и список приглашённых.

Снова пауза. Ответное нетерпение.

Безупречно одетый и выглядящий, несмотря на усталость бессонной ночи, министр иностранных дел в волнении поправил несуществующий дефект на узле галстука.

– Там, у Госдепа, был и наш посол... – Глоток воды. – ...Там было не пробиться! Народищу собралось! Вавилон-

ское столпотворение... Буквально! Все отовсюду!.. Но пролез, надо отдать ему должное... А толку?! Ну озвучили... Все, как и предполагалось, свои... Даже союзников не позвали... Мест, дескать, нет. А наприглашали-то!.. Господи! Нобелевских лауреатов – вы же знаете, там большинство американцев как раз... Учёных-то ладно ещё... Это как-то объяснимо. Но поэтов каких-то, писателей, художников, композиторов... Цвет Земной цивилизации, вроде как... А официальных представителей государств прокатили! Наш-то и так, и эдак... Фрак посольский в рукавах порвал... Так и стоял, вернее подпрыгивал, протокольным цилиндром помятым махал, чтоб на него внимание обратили, вдруг в суете просто забыли – рваными подмышками отсвечивал... А что было делать? Подсказать-то некому, что престиж державы, мол, роняешь... Но те – ноль внимания! Как будто нет нас совсем.

Снова глоток воды. Но теперь уже никто больше министра не торопил. Зал заседаний наполнился негодованием, в котором тонули всякие слова. И только минкульту удалось пробурлить:

– Вот ведь ур-ро-оды!

И снова – тишина. Подняла руку вообще молчавшая до сих пор разведка. Ей дали слово.

– Не надо излишне нервничать. Инопланетяне высадятся в Америке только потому, что там находится штаб-квартира ООН. Все там будем...

Облегчение. Отдувание. Улыбки. Расстёгнутые пиджаки и расслабленные галстуки.

– ...Но встречать их будет действительно один только американский президент.

Снова напряжение. Пот, суженные глаза. И закономерный взрыв. Причём теперь в единодушном хоре возмущений их адресность была различной – вплоть до политически и нравственно несовершенных инопланетян, поверхностно судивших о Земной действительности. Выражений не выбирали – чего стесняться-то, можно и выругаться в патриотической ревности – это оправданно, тем более, когда каждый отдельный голос уловить практически невозможно. Вскикивали с мест, размахивали руками, грозили кулаком, топали ногами, дёргали стулья... Шумели, в общем, глядя на демонстративно спокойного, но не прерывавшего их раж, президента.

Испугавшийся произведённого им самим эффекта министр иностранных дел – настоящий карьерный дипломат, не привыкший к такому способу обсуждения важных дел – мягко и даже неуверенно подал голос, который, несмотря на свою негромкую нерешительность и опаску (а ну как голову оторвут!), прозвучал в общем хоре возмущений кричащим диссонансом, который невозможно было не услышать:

– Мне кажется, господа... товарищи, что не надо горячиться... Это же обычная международная практика: гостей на территории государства приветствует официальное ли-

цо этого государства. От значительности гостей зависит статус встречающего. Инопланетных братьев по разуму вполне оправданно будет встречать глава государства, на территории которого – так сложилось исторически – расположена штаб-квартира главной международной организации. Нет повода для столь жарких эмоций, мне кажется... Чистый протокол.

Пока мишинодел это говорил, постепенно стихала патристическая единоголосица, предназначенная, в первую очередь, для главных ушей. А реплику свою миротворческую министр закончил уже в звенящей тишине в антураже уставленных на него и в стол растерянных взглядов. Как только был сказан последний слог слова «про-то-кол», головы всех присутствующих (и голова мишинодела тоже) стали медленно, с осторожностью поворачиваться в сторону главной головы, которая и должна была явить высокопоставленным подчинённым их самостоятельную и единокорную реакцию на неоднозначность дипломатической казуистики.

– А как насчёт телетрансляции исторического всечеловеческого события в прямом эфире? – с тенью недоверчивого подозрения и ехидства спросил президент, заставляя не угадавших продолжения министров уважать и бояться его ещё больше.

Поскольку словесная форма обращения была безличной, то каждый рефлекторно попытался определить направление главного взгляда, дабы выявить ответчика и позлорадство-

вать в случае его растерянности. Однако главные глаза смотрели вниз – на лежащие перед ним листочки с заготовленными тезисами. Ищущие взгляды невольно сползли по главному лицу с глаз на рот, сжатый в две заранее злые нитки губ. В почти физическое ощущение собственного ничтожества подчинённых ввергало выражение эпохально озабоченного и строгого лица: «Всё сам... Всё – сам! Ну что вы за люди!!!»

Однако отобранный по скорости реакции и натренированный подковёрными интригами коллективный разум кабинета министров уже отработывал мелодраматическую сострадательную роль к представителям агитпропа: в чём ребята виноваты, если первое, что втекает в умы в патриотическом ключе из внешнеполитических обстоятельств – это игнорирование оскорбительной новости и отсутствие реакции на неё. Ерунда – мелочь, дескать...

А тут вона как! Трансляция... Прямой эфир... Поди угадай, какие такие мысли главный мозг ворочает!

И глаза заседателей стали ритмично, как у зрителей пинг-понга: шарик налево – шарик направо, перепрыгивать с одного на другого руководителей двух государственных телеканалов.

Шарик... Да что там – мяч даже!.. в нужную секунду оказался под рукой директора второго канала, который восторженным отбоем сразу же закрутил его в сторону президента: – Никаких проблем! Мы хоть сейчас готовы осуществлять

транс... ре-трансляцию сигнала с синхронным комментарием. Мы же уверены, что кабинет министров потом отдельным своим постановлением покроет наши расходы, связанные с оплатой получения сигнала через спутник...

Директор второго канала оптимистично – с пионерским задором! – улыбался и вертел головой, выражавшей счастье от предусмотрительности и расторопности заключённого в ней мозга.

Поднялся со стула и руководитель первого канала и стал энергично даже не кивать, а почти трести головой, утверждая, что, дескать, «И мы тоже хотим! Мы тоже готовы! Только денег дайте».

Но президент хоть и расслабил-приоткрыл рот, однако напряг-сузил глаза:

– А почему о ре-трансляции идёт речь? Мы что, не можем собственную съёмочную группу аккредитовать?!

Задорное рвение теленачальственных лиц угасло на глазах. Очевидно, заранее аккредитацию они не предвидели. А должны бы! Это их обязанность – предвидеть события, предугадывать новости. И даже подавать их с опережением самих новостей. В будущем времени, а не в прошлом и настоящем, как это принято в отсталых в информационном плане странах.

– Вот всегда у вас так, – с привычным показательным разочарованием вздохнул президент. – Привыкли, понимаешь, на всём готовом... На халяву! Кто-то другой должен

продумать, спланировать за вас, сделать всё... А вы только: «Денег дайте!» Нет бы сами! Нет у вас репортёрской жилки... Чутья нет... Профессионализма – ноль!

Вставшую в полный рост тишину отодвигаемым стулом испугал министр пропаганды – единственный, к чьему, отличному от своего, мнению прислушивался президент, понимая, что в вопросах создания нужного образа – мифа, легенды – и формирования нужного общественного мнения – а это главный вопрос, ибо вопрос власти! – тот понимает больше. Однако возражения всегда допускались только при общении тет-а-тет... И теперь вдруг публично? Все в интересе настроили уши на приём мельчайших деталей.

– Аккредитацию, безусловно, надо потребовать, – по общему единому обыкновению живо согласился минпроп... Но только чтобы сразу возразить: – Однако если и откажут под надуманным предлогом опоздания с заявкой – не беда. Картинка у всех съёмочных групп будет примерно одинаковая. Всё дело – в словах! А закадровый текст мы дадим свой.

Президент улыбнулся, не в силах скрыть удовлетворение. Заулыбались и все остальные. Но тут же напряглись под ставшим демонстративно серьёзным главным взглядом:

– Но заявку на аккредитацию подать немедленно! Пусть знают, что мы держим руку на пульсе.

Министры и все прочие приглашённые согласно – ещё бы?! Такая проницательность! – закивали...

Профессор не кивал. Он просто стоял с поднятой головой

и брезгливо смотрел в один из верхних углов зала. «Господи, о величии они говорят... А у самих плесень в углу завелась... Кабинет министров называется... Постыдились бы! Хотя... Это даже символично! Боже, да она расти начинает прямо на глазах! Это ж надо так всё – даже себя! – запустить... Заплесневеть!»

Глава II

Упоение триумфом

Расшифровав полученную из космоса информацию (кто получил? как расшифровал? – Top secret!) о том, что Америка выбрана местом встречи с инопланетным разумом, торжествовали штатники недолго. Они, подобно токующим глухарям, громко поупивались собственной исключительностью, распаяя самих себя и раздражая весь остальной мир, но быстро опомнились под влиянием своего циничного профессионализма и озаботились: «Где конкретно встречать-то?» Иначе говоря: «Куда гостей принимать?»

Мыс Канаверал во Флориде, хоть и возникал в любом сознании в ассоциации с космосом, но сразу же отметался как прямо противоположный по смыслу: туда не садились – оттуда взлетали... Да и не в космос, в общем-то, если смотреть на вещи глазами (или что у них там для этого есть?) пришельцев... При мысленной оценке флоридского космодрома, забитого топливными бочками, и инопланетян, прибывающих чёрт знает откуда явно не на керосиновой тяге, у любого человека (даже американца!) невольно на лице рождалась пренебрежительная по отношению к самому себе, самоуничижительная гримаса по типу: «Да так... Болтаемся уже полвека вокруг своего шарика... Ну слетали на Луну-сосед-

ку... И что толку?»

Это были те же восторженно подобострастные предвкушения, какими наполняется душа дикаря, уверенного в скорой встрече с намоленным божеством с тотема.

Сразу после отвергнутого космодрома представлялась столица – Вашингтон. Конгресс, Белый дом... Лужайка у Белого дома... Хватит её для посадки-то? Вряд ли...

Тогда и заполнявший следом всё сознание своим масштабом Нью-Йорк приходилось отвергать как неприспособленный, несмотря на большой аэропорт им. Кеннеди и место расположения ООН.

Ну и куда тогда? Привычно, как когда-то Шаттл, на авиабазу? Провокативно... Опасно! Как они, инопланетяне, расценят то, что их к воякам загоняют? В лучшем случае могут подумать о недоверии... И это при их-то развитости и гуманизме! А в худшем? Даже подумать страшно – шарахнут чем-нибудь от обиды, что у них там в арсенале есть... Мало не покажется!

Нет! Надо в пустыню... В Неваду...

Точно! Пустыня – в высшей степени нейтральная вещь... Площадь огромная – приземляйся хоть на чём, даже с ядерным двигателем. Угроз никаких. Хотя...

Могли бы, конечно, и сообщить, что у них там за топливо! Им-то, может, ядерная накачка и безвредна... Ха-ха, как земным клопам... Но для человека она смертельно опасна! А что это значит?

А то, что зрителей нельзя будет собрать – вселенское шоу устроить!

Ведь как было бы хорошо: сделать ударный promotion, для которого особых маркетинговых изысков и не понадобится – одна только информационная атака на мозги обывателей; продажа билетов на смотровую площадку – в пустыне она везде! Из Лас-Вегаса – города разгульного – народ бы попёр, там праздной денежной публики тьма...

Впрочем, это всё равно мелочь по сравнению с прибылью от продажи прав на телетрансляцию... Будут, конечно, возмущаться, мол, событие общепланетного масштаба, какое имеете право монополизировать, то да сё... Можно легко возразить, что нет в США закона, отменяющего бизнес-права правообладателя... А специально под событие, каким бы оно ни было, принимать законы у нас не принято – демократия не позволяет. Да и всё равно процедуру в срок не уложить... А президент!.. А что президент? У него нет таких прав! Ограничены конституцией... А конституция – это святое! Круг замыкается – придётся платить, ребята, не будем же мы из-за ваших капризов законы США отменять...

А каков пропагандистский, психологический фактор! Подумать только! Американский президент вместе с согражданами и друзьями нации встречает инопланетных братьев по разуму! Утрите сопли, остальные убогие земляне, и завидуйте без злости и истерик... Впрочем, можете и со злостью... И даже с ненавистью – нам не привыкать! Но не пе-

ребарщивайте и сидите у себя внутри границ смиренно, иначе авианосец подгоним.

Oh God! Какой триумф!

Не-ет, зрители в пустыне нужны, всё-таки... Должны же пришельцы соображать, что тут можно, что нельзя... Поинтересовались, поди, как нашего Земного homo sapiens обезопасить...

Но счётчиками радиации запастись надо! На всякий случай... И санитарных экспертов – разных! – собрать побольше со всем их арсеналом.

Итак, за работу, американцы! Мы снова – как всегда! – в авангарде человечества. Для начала заложить максимальную рентабельность в событие, подбить бабки (буквально!) – kash и рассчитать тарифы для своих зевак и прочих теле- и интернет-землян.

Затем... Нужна программа пребывания гостей на Земле. Н-да... На Земле... На американской земле! Вот приоритет! Поэтому сначала перелёт из Невады в Вашингтон – Белый дом, Конгресс, а уж потом перелёт или поездка в Нью-Йорк – ООН.

Кстати о перелётах... Надо бы их на Борт №1 посадить! Пусть на нём, а не на своих «тарелках» по стране перемещаются. Здесь пространство не бесконечное – здесь пространство заканчивается сразу за границами США... И время там останавливается! Так что обычный самолёт... впрочем, не совсем обычный – президентский!.. в самый раз.

Если, конечно, откажутся (из соображений излишней деликатности – мало ли), то хорошо бы нашего – бесстрашного! – президента к ним в «тарелку» посадить, продемонстрировав тем самым высшую степень доверия и подняв рейтинг всей Америки в глазах остальных ущербных землян ещё выше.

Так... Сразу встаёт вопрос о способе общения – переводчиков-то с инопланетного ещё пока нет. Н-да...

Стоп! Это у нас нет... А у них – высокоразвитой цивилизации – наверняка есть... Должны быть! Придётся понадеяться... Сначала, по крайней мере... А там дальше и у самих способ найдётся – Америка тоже высокоразвитая цивилизация! Что мы с какими-то пришельцами объясниться не сможем? Сможем, конечно... Потому как после презентации межпланетных гостей в ООН (будь она неладна, эта презентация – надо же было этим залётным на всю Землю развонить о своём визите – э-эх!) должна состояться в обязательном порядке встреча инопланетян с научно-техническим светом Соединённых Штатов. Закрытая для посторонних встреча! И результатом её должен стать такой мощный скачок-отрыв США от конкурентов в технологической и военной сферах, что Америка навсегда станет недостижимой для них, обязанных упасть на колени перед образом Бога в его американском воплощении на Земле.

Глава III

Единство наций

Генеральная ассамблея ООН собралась в полном составе представителей двух сотен государств – больные выздоровели, отпускники устали отдыхать, миротворцы везде сотворили мир, враждующие стороны перемирились – полный зал, первый раз за всё время существования организации, даже в проходах кое-где пришлось стулья ставить, такими большими в действительности оказались некоторые делегации. Повод того стоил – инопланетяне! Все прежние планетарные обиды и разногласия, интриги, союзы и альянсы стали вдруг казаться мелкими и недостойными мыслящих существ. И хотя экстренное заседание Генассамблеи было назначено на определённое время, все собрались много загодя. Собрались, расселись и стали ждать... Чего? Информации, для начала.

К высокому собранию вышел заместитель Генерального секретаря ООН и, дождавшись пока естественное оживление утихнет, объявил, что сегодня он – главный. Сам генсек отбыл в пустыню Невада для участия в церемонии встречи инопланетной делегации.

Сразу после этих слов по залу прошла волна возмущения, сквозь гул которой легко угадывалось недовольство боль-

шинства представителей, что их не то что не взяли в пустыню, а даже и не проинформировали. Общая тональность была такой: «Мы что, не люди, что ли?! Мы тоже хотим!»

На это руководитель американской делегации, получивший слово для ответа, заметил, что Невада хоть и пустыня, но она не резиновая – на все нации не растягивается...

Оправдание сочли отговоркой, однако же приняли большинством голосов, когда председательствующий замгенсек добавил, что в зале настроена прямая трансляция с места событий, и все всё увидят.

Как только зал снова утих после голосования, из динамиков зазвучала, нагнетая позитивную торжественность, «Ода к радости» Бетховена, и засветились все – большие и малые – экраны.

Шла панорама. Зрители на трибунах, смонтированных буквой «С»... Понятно стало, что логически замыкать трибуны буквой «О» вокруг предполагаемого места посадки не стали из осторожности, дабы не провоцировать инопланетян на агрессию – вдруг подумают, что их окружили для уничтожения.

Фон – пустыня. Режиссёр вывел крупный план места посадки. Камера поднимает объектив в небо, прямо на солнце, мгновенно ослепившее даже с экранов. Но тут же оно превращается в безболезненно светящийся на чёрном фоне диск. Затем камера торжественно и художественно (оператор – умница, сумел придать нужного пафоса моменту,

в составе российской делегации даже помрачнели от зависти к чужому профессионализму) начала движение вниз и остановилась, только когда экраны снова заполнились сфокусированным пятакom стерильного белого песка. Снизу экранов от него начиналась ковровая дорожка, по каким любят ходить голливудские звёзды, официальные лица и олимпийские чемпионы. Цвет дорожки стал предметом целой дискуссии у организаторов предстоящей церемонии. В итоге был выбран нейтральный серый цвет.

Но пока дорожка смотрелась на экранах так, как будто она там, у пятака, не начиналась, а заканчивалась – ничего не происходило. Показывать было нечего, и оператор повторил свой приём несколько раз, словно бы репетировал. Надоев. Стали раздаваться хорошо слышимые смешки из рядов наиболее озлобленных скептиков, будто бы опять вспомнилось и возымело значение забытое на некоторое время соперничество наций.

В конце концов, от представителя Северной Кореи поступило предложение, что «раз уж все собрались, обсудить вопрос поставок продовольствия в обмен на отказ от национальной ядерной программы», а то ведь... Смотрите, мол! Особенно японцы...

Председательствующий в зародыше пресёк скандал, не дав тому даже начаться. Подскочивший было от возмущения представитель Японии, впрочем, на место не сел, а сразу пошёл к американцам поделиться беспокойством и попро-

сить дополнительных гарантий в виде противоракет.

Инцидент внёс некоторое оживление в засыпающий зал, и все снова стали смотреть на экраны, отложив междусобойные разговоры и «морские бои» или что там из национальных заседательных игр есть у каждой делегации.

На экранах тем временем транслировались уже растерянные лица встречающих – встречать-то некого было. Они, лица, пытались казаться оптимистичными и даже радостными, вроде как, в предвкушении и от причастности, но актёрствовали неважно. Оператор – настоящий профессионал службы новостей! – особенно укрупнил лицо президента США, политической партии которого сам не симпатизировал, наверное. Была одна попытка дать крупный план и генсека ООН, сидящего рядом, но азиатские узкие глаза того умело прятали недоумение (а может и радость от несостоявшегося беспокойства! – кто знает?) между век.

Просидела так Генассамблея несколько часов. Делегаты начали отлучаться из зала – сначала вежливо извиняясь, потом запросто – на ланч, перекур, в туалет...

Начались хождения и по залу. Заседание превращалось в бесцельную тусовку. Как вдруг...

– Смотрите! – безмикрофонный, но громкий в своей естественности, а потому особенно примечательный, возглас заставил всех повернуться на крик.

Человек указывал вверх и, несмотря на свой протокольный строгий гражданский костюм, поднятой рукой напоми-

нал одновременно сенатора Древнего Рима в призыве к здравомыслию, краснокожего американского индейца в призыве к согласию и германского нациста в приветствии. Были, конечно, и другие ассоциации с менее известными в мировом масштабе персонажами – у кого как...

На потолке в центре зала прямо на глазах выросло пятно, как будто крыша под ливнем протекла, и сейчас в зал сверху должна хлынуть вода.

Однако вода не то что не лилась, но даже и не капала. И вообще, присмотревшись, все начинали понимать, что дело не в воде: «Что за чёрт?! Где приходится работать!»

Почему так быстро разрастается? Вдруг это какая-то очередная неизличимая зараза? А если это террористический акт?!

Причём многие стали сразу же отдавать себе отчёт в том, что последняя мысль оказалась на самом деле последней – все смотрели на пятно так заморожено, словно не смотреть на него было выше их сил. Тягу эту и интересом-то назвать было сложно – все просто смотрели, повинувшись общему... то ли порыву, то ли призыву, и всё. Мыслей в головах просто не было. Вернее, они словно бы исчезли разом. Как будто через взгляд ушли в пространство зала, всосались и растворились в пятне плесени на потолке.

А плесени ли?..

Откуда? Техническое и санитарное состояние здания безупречно.

Удивительно, но следом внимание всех опять было привлечено трансляцией из пустыни. Там началось сворачивание несостоявшегося мероприятия. Разочарование извещённых об этом зрителей быстро перешло в негодование – деньги-то уплачены! За что? Где обещанное зрелище? Где «зелёные человечки»?!

Гул толпы, начавшей спускаться с трибун, основной нотой имел ноту недовольства, которая стала заглушать все остальные звуки, сложенные в композиционно-торжественную последовательность, исполняемую поднятым по тревоге во всеоружии и привезённым в пустыню главным симфоническим оркестром США. Наконец и тот, будто бы не выдержав унижения бессмысленностью своего здешнего выступления, тоже умолк – трубно сдулся.

Камера последний раз показала президента и, невыключенная ещё, зашатала его по экрану, заподкидывала и, в конце концов, потушила. The end.

И сразу же на экранах в зале генассамблеи стала демонстрироваться картинка о происходящем в зале же, словно издевательски предлагала посмотреть на самих себя со стороны. Но пятно на потолке вытеснило все другие микросюжеты, став одним большим статичным действием постановки. Его показывали так крупно, что теперь, наконец, его можно было рассмотреть, не напрягаясь, без использования театральной оптики, имевшейся у некоторых заседателей-эстетов, не желавших зависеть от капризов внутренней транс-

ляции.

– Плесень! – разноязыко зашелестело-загудело-зарычало в зависимости от фонетических особенностей языков в разных углах зала.

– Oh God! Только этого не хватало... Да ещё в прямом эфире... Что за день сегодня!

Это было проговорено себе под нос председательствующим на заседании. В сердцах сказано на привычном и понятном всем английском языке в микрофон, который он, конечно же, забыл отключить, будучи в растерянном расстройстве, как поняли многие.

То ли расчувствовавшись от недипломатического откровения замгенсека, то ли расценив эту реплику как театральность, некоторые заседатели даже похлопали в ладоши. Но скорей всего, аплодисменты – вежливые, негромкие, с ленцой аристократизма – были обозначены как проявление энтузиазма от того, что стало происходить хоть что-то после многочасового беспредметного ожидания. Как следствие этого откровения души на лицах появились даже одобрительные и ободрительные улыбки.

Но тут мирно гудящую тишину взорвал многократно усиленный динамиками пренебрежительный возглас:

– Да ладно вам!

Все вздрогнули и задёргались, не понимая сразу, кто так осмелился заговорить в столь рафинированном мировом собрании. Несколько человек, впрочем, сумели быстро зри-

тельно выхватить источник высокомерия и уже стояли, указывая руками и пальцами в направлении того, кто продолжал так же злобно, как и начал:

– Тоже мне пострадавший! Было бы из-за чего истерить... Подумаешь – плесень на потолке... Вот у нас расстройство так расстройство! Инопланетяне эти чёртовы! Где их носит? Заблудились, что ли?

И добавил совсем уж непротокольно:

– Fuck them...

Никто не мог поверить своим ушам – высший дипломатический форум на планете! Эталон этикета и сдержанности, консерватизма и толерантности... А тут!

Однако наиболее ближние к хаму быстро меняли природу своего недоумения с безусловного негодования на весёлое удивление, видя выражение лица возмутителя спокойствия, которое было тоже недоумённым, словно само себе удивлялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.